
ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ

УДК: 821.112.2

DOI: 10.31249/lit/2024.04.04

МАХЛИН В.Л.¹ ПЕРЕЛОМНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. Рец. на кн.: Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии, 1919–1929. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. – 400 с.

Аннотация. Книга В. Айленбергера, написанная в философско-биографическом жанре, рассказывает о четырех «магах» философии минувшего столетия – Людвиге Витгенштейне, Эрнсте Кассирере, Мартине Хайдеггере и Вальтере Беньямине. По мысли Айленбергера, эти немецкоязычные мыслители оказали наиболее устойчивое влияние на современную европейскую философию и научно-гуманитарные дисциплины и вместе с тем причастны своему времени и «экзистенциально», и «социально».

Ключевые слова: Л. Витгенштейн; М. Хайдеггер; Э. Кассирер; В. Беньямин; философия языка; история культуры.

Для цитирования: Махлин В.Л. Переломное десятилетие // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 4. – С. 57–75. – Рец. на кн.: Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии, 1919–1929. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. – 400 с. – DOI: 10.31249/lit/2024.04.04
Поступила: 30.06.2024 Принята к печати: 30.07.2024

¹ **Махлин Виталий Львович** – доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; vitmahlin@mail.ru

MAKHLIN V.L.¹ A pivotal decade. Book review: Eilenberger W. Zeit Der Zauberer: das grosse Jahrzehnt der Philosophie, 1919–1929 = Time of the magicians: Wittgenstein, Benjamin, Cassirer, Heidegger, and the decade that reinvented philosophy (Russian translation)

Abstract. W. Eilenberger's book, written in the philosophical and biographical genre, is about four 'magicians' of philosophy of the past century – Ludwig Wittgenstein, Ernst Cassirer, Martin Heidegger and Walter Benjamin. In Eilenberger's view, these German-speaking thinkers have had the most lasting influence on contemporary European philosophy and the scientific and humanities disciplines, and at the same time are both 'existentially' and 'socially' involved in their time.

Keywords: Л. Wittgenstein; М. Heidegger; Е. Cassirer; В. Benjamin; philosophy of language; cultural history.

To cite this article: Makhlin, Vitaliy L. "A pivotal decade. Book review: Eilenberger W. Zeit Der Zauberer: das grosse Jahrzehnt der Philosophie, 1919–1929 = Time of the magicians: Wittgenstein, Benjamin, Cassirer, Heidegger, and the decade that reinvented philosophy (Russian translation)", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2024, pp. 57–75. DOI: 10.31249/lit/2024.04.04 (In Russian)

Received: 30.06.2024

Accepted: 30.07.2024

В последние десятилетия на Западе и в нашей стране стали появляться исследования, в которых традиционный жанр историко-философских исследований сочетается с более популярными элементами общественно-политического, культурно-исторического и иного характера. Главное жанровое отличие такого рода изданий – соединение философской проблематики с обстоятельной биографией философа. Распространение философско-биографического жанра в наше время² – это, вероятно, симптом: заметна потребность сделать философскую классику XX в. более доступной – если не для «массового», то все же для более широкого чи-

¹ **Makhlin Vitaliy Lvovich** – DS in Philosophy, Candidate in Philology, Leading Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vitmahlin@mail.ru

² См., например, в рус. пер.: [Миттельмайер, 2017; Джефффриз, 2018; Бейквел, 2023].

тателя. Здесь многое, конечно, зависит от автора такой работы, его образования и вкуса, способности сделать историю интеллектуальной культуры интересной и познавательной, не принижая предмет, не заигрывая с запросами публики эпохи интернета и смартфонов. В этом отношении книга основателя и главного редактора немецкого журнала *Philosophische Magazin* Вольфрама Айленбергера (р. 1972) «Время магов. Великое десятилетие философии, 1919–1929» заслуживает внимания.

Книга Айленбергера, помимо «пролога» и заключения, состоит из семи разделов, каждый из которых освещает определенный период в биографии четырех «магов» философии минувшего столетия – Людвига Витгенштейна (1889–1951), Эрнста Кассирера (1874–1945), Мартина Хайдеггера (1889–1976) и Вальтера Бенямина (1892–1940). По мысли Айленбергера, эти немецкоязычные мыслители оказали наиболее устойчивое влияние на современную европейскую философию и научно-гуманитарные дисциплины. Если популярный термин «культурология» здесь вообще уместен, то не в расхожем смысле: четверо обсуждаемых мыслителей-современников, как стремится показать автор книги, причастны своему времени и «экзистенциально», и «социально». Очень разные, они сформировались в один и тот же переломный период европейской истории, который Айленбергер называет (несколько рекламнo, но точно) «великим десятилетием философии» после Первой мировой войны. Если в пореволюционной России то время было связано, помимо прочего, с революцией в области филологических наук (прежде всего в литературоведении), то на Западе (прежде всего в Германии) 1920-е годы – время «нового мышления» (*das Neue Denken*), радикального пересмотра всей западноевропейской «духовной истории» и ее воплощения – классической немецкой философии (вплоть до ее античных и средневековых оснований). Относительная новизна книги Айленбергера – в том, что на первом месте в ней не просто биографии четырех знаменитых европейских мыслителей, но попытка представить «великое десятилетие философии» как общий мотивационный опыт и контекст, определившие искания и становление четырех вышеупомянутых современников, незнакомых между собой или чуждых друг другу.

Семь основных разделов книги – «Прыжки, 1919», «Языки, 1919–1920», «Образование, 1922–1923», «Ты, 1923–1925», «Сво-

бода, 1925–1927», «Пассажи, 1926–1928», «Время, 1929» – это попытки конкретизировать биографическую и историческую современность, избегая слишком абстрактных обобщений, сделанных задним числом. Нельзя сказать, что названия разделов всегда одинаково удачны, но замысел *синхронизации* мышления четырех «магов» философии понятен и оправдан в свете стремления автора вскрыть за индивидуальными исканиями перипетии и воздействие *современности* на восприятие, мышление и поведение мыслителей, некое сверхличное влияние того, что еще Фрэнсис Бэкон в своем «Новом органоне» (1620) назвал «автором авторов» [Бэкон, 1978, с. 46].

В. Айленбергер предпослал своей книге эпиграф из «Максим и рефлексий» Гёте: «Лучшее, что дает нам история, – это вызываемый ею энтузиазм». Избранный автором период до сих пор вызывает повышенный интерес историков философии и культуры, – и понятно почему. Ведь представления о «современной» философии во многом восходят к «великому десятилетию», которое ассоциируется с упомянутыми мыслителями (хотя и далеко не только с ними). Исторический перелом, который тогда произошел, подвел черту под четырехвековой историей Нового времени.

В «Прологе» автор начинает с хронологического конца, вспоминая знаменитую дискуссию Кассирера и Хайдеггера в швейцарском Давосе (1929). В том давнем споре Айленбергер видит кульминацию «великого десятилетия философии». Он ссылается при этом на роман Т. Манна «Волшебная гора» (1924), где «с прямо-таки пугающей точностью Кассирер и Хайдеггер совпали с идеологическими шаблонами Лодовико Сеттембрини и Лео Нафты, которых Томас Манн сделал символами целой эпохи» [Айленбергер, 2021, с. 18]. Действительно, еще до Первой мировой войны и потом в 1920-е годы произошел радикальный и фронтальный перелом в общественно-историческом бытии, а отсюда – и в философском и научно-гуманитарном мышлении и сознании Нового времени. «Установки кантовского проекта, вплоть до двадцатых годов XX века, – отмечает Айленбергер, – оставались определяющими как для немецкой философии, так и в целом для философии модерна» [Айленбергер, 2021, с. 19]. Если для Канта человек как таковой (с его верой в Бога, свободу и бессмертие души) был существом скорее метафизическим, то уже Л. Витгенштейн в своем

«Логико-философском трактате» (1922), написанном во время войны, «полагал возможным излечить философию от метафизики» [Айленбергер, 2021, с. 19]. Как ни отличались друг от друга четыре героя книги Айленбергера, все они сходились в убеждении, что мировоззренческий и научный фундамент кантовской системы «износился и остро нуждался как минимум в реформировании» [Айленбергер, 2021, с. 20]. Однако решающее влияние на сознание и самовосприятие современников «великого десятилетия», как отмечает В. Айленбергер, оказали не столько идеи сами по себе, сколько реальный опыт мировой войны и то, что за ней последовало: происходила как бы стихийная утрата доверия к традиционным идеалам просветительского разума, и философы не составляли здесь исключения.

Таков был общий «горизонт вопроса» в швейцарском Давосе в 1929 г., хотя, как полагает Айленбергер, ни Кассирер в «Философии символических форм» (1923–1929), ни Хайдеггер в своей радикальной историзации человеческой конечности в «Бытии и времени» (1927) не пытались «дать прямой и субстанциальный ответ на кантовский вопрос о человеке». Возможно, поэтому Кассирер и Хайдеггер, «до сих пор *изнутри* формируют и определяют нашу культуру» [Айленбергер, 2021, с. 26].

Что касается Бенямина, то его Айленбергер считает в этом отношении «совершенным гибридом Хайдеггера и Кассирера» [Айленбергер, 2021, с. 29]. В самом деле: трансформация кантовской философии на фоне новой технической эпохи; кризис академической философии; метафизическая сущность повседневного языка; внутренняя разорванность современного сознания и ощущения времени; растущая «товаризация» городской жизни; наконец поиски искупления в эпоху всеобщего общественного упадка, — все эти темы времени, были характерны также и для Бенямина, а подспудно и для Витгенштейна). Правда, в образе жизни Бенямина бунтарский интеллектуализм сочетался, по словам Айленбергера, «мягко говоря, с неукротимой любовью к ресторанам, ночным клубам, казино и публичным домам» [Айленбергер, 2021, с. 29].

Но в любом случае, по мнению автора, 1929 год обозначает водораздел в биографии и в историческом мышлении его героев: Витгенштейн в Кембридже защищает диссертацию, Бенямин отказывается от тщетных попыток получить место в каком-нибудь

немецком университете и обращается к «новому способу познания в духе типичной для его эпохи идеологической ориентации» [Айленбергер, 2021, с. 33], планируя выпуск иллюстрированного журнала «Кризис и критика», задача которого (как он пишет своему другу Бертольту Брехту) – «разгром Хайдеггера» [Айленбергер, 2021, с. 31], а Кассирер и Хайдеггер как раз участвуют в Давосе в знаменитом философском споре, ознаменовавшем конец «великого десятилетия философии».

В первом после пролога разделе «Прыжки, 1919» автор обращается к началу эпохи: Бенъямин защищает диссертацию о литературной критике немецкого романтизма, Витгенштейн, вернувшись из плена, готовит к публикации «Логико-философский трактат», соединяющий, как подчеркивает Айленбергер, сугубую научность с «христианско-экзистенциалистской этикой в духе Кьеркегора и Толстого» [Айленбергер, 2021, с. 53], а католик Хайдеггер тайком женится на протестантке на фоне уличных боев в больших городах, мечтая, в отличие от Витгенштейна, не о том, чтобы разом решить все проблемы философии, а, наоборот, о том, чтобы возобновить традиционную *prima philosophia* («первую философию», по Аристотелю) на новом (социально-онтологическом) основании. Что касается Кассирера, то он в 1919 г., как вспоминала его жена Тони, ездил на работу в Берлинский университет в трамвае, и под звуки уличной стрельбы невозмутимо читал, из вежливости стоя, ученую книгу, по-своему испытывая экзистенциальный опыт, который Айленбергер называет «активным формированием себя самого в трамвае» [Айленбергер, 2021, с. 68].

Следующий раздел книги («Языки, 1919–1920») посвящен обстоятельствам, в которых четыре ее героя-мыслителя искали свой путь в обстановке все более явного кризиса традиционного европейского жизненного уклада и, как следствие, – кризиса философии. Если Витгенштейн, завершив «Трактат» и отказавшись от большого наследства, мучился «бессмысленностью» жизни и, страдая «разновидностью аутизма» [Айленбергер, 2021, с. 72], возводил непреодолимую преграду между миром и (собственным) мышлением о мире, то Хайдеггер, Бенъямин и Кассирер практически одновременно открывали для себя, каждый по-своему, относительно новую область исследований; позднее это назовут «поворотом к языку / лингвистическим поворотом» (*linguistic turn*),

который Витгенштейн предвосхитил в тогда еще не опубликованном «Логико-философском трактате».

В отличие от Витгенштейна, у Хайдеггера проблематика языка возникает в контексте критики философии Р. Декарта и влияния его абстрактного рационализма на философию Нового времени. Роковую роль французского мыслителя в истории новоевропейской философии Хайдеггер видел в том, что «исчисляемый субъект сделался первоосновой всякой достоверности», после чего в западноевропейской философии все пошло кривь и вкось [Айленбергер, 2021, с. 87]. «Прорыв», осуществленный Хайдеггером уже в 1919 г., Айленбергер находит в радикальном сближении философии с *повседневностью* – ход мысли, который с тех пор получит широкое распространение и влияние. «Нет никакого внутреннего пространства опыта, которое словно стеклом отделяет мыслящего субъекта от так называемой реальности» [Айленбергер, 2021, с. 88]. В центр философского исследования Хайдеггер ставит понятие «вопрошающего переживания», которое в те годы, как подчеркивает Айленбергер, было далеко от политики и предполагало «внутреннее пространство философских идей», но уже включало в себя такие объективные понятия будущей хайдеггеровской онтологии, как «имеется» (*es gibt*), «присутствие» (*Dasein*) и др. [Айленбергер, 2021, с. 91]. И Витгенштейн, и Хайдеггер в своих поисках могли казаться в то время двумя чудаками. Витгенштейн в своем элитарном аутизме после завершения «Тракта» видел в философии только порожденные языком мнимые проблемы, а Хайдеггер после 1919 г. считал роковой ошибкой философии со времен Декарта как раз отделившееся от языковой среды абстрактно-теоретическое отношение к действительности, которое в Новое время сделалось методологически «исходным и подлинным» [Айленбергер, 2021, с. 92]. Задача Хайдеггера – пробиться к бытию как событию мира и взаимоотношений между людьми; на этом пути молодой приват-доцент и ассистент Гуссерля во Фрайбургском университете открывает для себя философскую реальность и функцию языка.

Со своей стороны, и в то же самое время В. Бенъямин, продолжая мысли своей ранней (посмертно опубликованной) статьи «О языке вообще и о языке человека» (1916) [Бенъямин, 2012], задумал (в перспективе написания второй диссертации) работу, по-

священную теории познания с точки зрения соотношения слова и понятия (языка и логоса). Он обратился было к средневековому схоласту Дунсу Скоту, но с неудовольствием обнаружил диссертацию «Учение Дунса Скота о категориях и значении», защищенную М. Хайдеггером в 1916 г. Диссертация Бенъямину резко не понравилась (к Хайдеггеру у него сформировалась устойчивая неприязнь), и он оставил свой замысел. При этом оба мыслителя, по мнению В. Айленбергера, имели в виду сходную проблему соотношения слова Божественного и слова человеческого, которую оба решали негативно: «Возможно ли вообще сравнивать способ, каким Бог мыслит, описывает и познает мир, со способом, которым это делает человек? <...> Вдруг между ними на самом деле нет ни малейшего сходства? И если так, то как же человек может познавать мир?» [Айленбергер, 2021, с. 101]. Айленбергер ставит эти вопросы скорее риторически, его больше интересует культурно-исторический и биографический контекст, в котором проблематика языка вообще могла быть актуальной для «магов» философии начала 1920-х годов. Хайдеггер, например, писал диссертацию о Дунсе Скоте на стипендию католической церкви, а Бенъямин те же вопросы собирался исследовать в трактате о традиции каббалы и Торы в иудаизме. Однако диссертация «Язык и логос» осталась амбициозным, но не осуществленным замыслом Бенъямина, чего нельзя сказать о его статье «Задача переводчика», задуманной как предисловие к его переводам Бодлера [Бенъямин, 2004].

В этой (впоследствии прославленной) работе, по мнению, Айленбергера, «содержится зерно самостоятельной философии языка» [Айленбергер, 2021, с. 101]. «Если Витгенштейн как философ языка идет от поэтики в логику и в итоге находит обоим импульсам свою собственную объединяющую форму, то Бенъямин скользит от поэзии через логику в глубину – в теологию и иудаистский мессианизм» [Айленбергер, 2021, с. 108]. Этот ход мысли приводит автора «Задачи переводчика» к идее «чистого языка», причем в особом, отнюдь не «чистом», смысле. В тенденции Бенъямина избирать «профанные» сюжеты и превращать их в глобальную теорию, спасительную для всего мира, Айленбергер усматривает, с одной стороны, «нечто нарциссическое», но, с другой стороны, «нечто невероятно чуткое, заряженное энергией, экзистенциальное» [Айленбергер, 2021, с. 109].

Что касается Э. Кассирера, то он, задумывая фундаментальную «Философию символических форм» (1923–1929), начинает именно с проблематики языка [Кассирер, 2011, т. 1]. «Если на данном (и на любом другом) этапе развития своей мысли Витгенштейн, Хайдеггер, Беньямин и Кассирер были в чем-либо безусловно согласны, – утверждает В. Айленбергер, – то в том, что форма жизни человека есть форма его речи» [Айленбергер, 2021, с. 120]. В этом смысле язык «не одна из множества символических форм, но важнейшая из всех и первоначальная» [Айленбергер, 2021, с. 120]. При этом, однако, ни Витгенштейн, ни Беньямин, ни Хайдеггер не считали себя академическими философами. Вышедший из неокантианства Кассирер в этом отношении скорее исключение: как философ он, по доброй кантианской традиции, искал и находил опору философии в науке, тогда как младшие его современники ставили под вопрос традиционное представление Нового времени о науке и «научности». Вообще, как подчеркивает Айленбергер, почти до конца XX в. большинство выдающихся философов, даже работая в университетах, внутренне дистанцировались от академических институций. Вместе с тем по сравнению с тремя другими мыслителями «великого десятилетия философии», Кассирер был единственным открытым сторонником провозглашенной в 1919 г. Веймарской республики, более того, – «единственным убежденным демократом» [Айленбергер, 2021, с. 112]. Но в своих лингвистических исследованиях, он тоже, подобно Беньямину, допускал мысль о «чистой форме языка» – гипотеза, которая в форме теории «порождающей грамматики» Ноама Хомского «начиная с 1960-х годов, будет несколько десятилетий доминировать в лингвистике» [Айленбергер, 2021, с. 121], – тогда как сам Кассирер, наоборот, все больше сомневался в гипотезе «чистого» языка. Сомнения Кассирера, скорее всего, были связаны с традицией целостного восприятия философских проблем. «Мы ли придаем нашим словам значение и смысл – или, скорее, сама мирообразующая сила слов и знаков вызывает нас к жизни, к мышлению, к спрашиванию?» [Айленбергер, 2021, с. 121], – так Айленбергер формулирует проблему языка у инициаторов «лингвистического поворота» в прошлом столетии.

Следующий раздел книги («Образование, 1922–1923») охватывает период, когда четыре ее героя-мыслителя в основном опре-

делились с направлением своих поисков. «Общий главный враг» молодых новаторов, по мнению Айленбергера, – университетское неокантианство, сложившееся еще в XIX в., а общее направление их самоопределения и самосознания – возвращение к некоторым первоэлементам жизни и культуры и «де-образование» традиционной культуры («деструкция», по терминологии Хайдеггера). Даже Кассирер, достойный ученик Марбургской школы неокантианства с Германом Когеном во главе, после смерти учителя и конца мировой войны (1918), стал выходить за пределы абстрактно-систематического мышления школы, и в этой тенденции как бы неожиданно «совпал» с поисками «нового мышления» (*das Neue Denken*) 1920-х годов. В выборе направления своей мысли едва ли не радикальнее всех был Хайдеггер. В то время «когда центробежные силы версальской послевоенной политики грозили окончательно разорвать его страну, – отмечает Айленбергер, – Хайдеггер как мыслитель решается перейти к экзистенциальной тактике возврата к предполагаемым основам» [Айленбергер, 2021, с. 125]. Уже в своих исследованиях Аристотеля (1922) молодой Хайдеггер ставит под вопрос «герменевтическую ситуацию» своего времени и настаивает на необходимости «деструкции» всей предшествующей философии с целью обнаружения экзистенциально-онтологического ядра «историчности» всякого «присутствия» (*Dasein*) в мире жизни. Со своей стороны, Кассирер в «Философии символических форм» обращается к проблематике мифа и символа в истории человеческой культуры.

В то время как Хайдеггер в свой первый Фрайбургский период (1919–1923), опираясь на Кьеркегора и Дильтея, как бы заново открывает историю философии, Кассирер, обосновавшись в новообразованном Гамбургском университете, по-новому открывает для себя историю культуры – во многом благодаря знаменитой библиотеке австрийского искусствоведа Аби Варбурга (1866–1929)¹. «Собрание Варбурга, – отмечает Айленбергер, – базируется на идее непрерывной культурной неодновременности одновременного, где самые разные подходы самого разного происхождения не только влияют друг на друга, но и взаимоотторгаются» [Айленбергер, 2021, с. 138]. Философ Кассирер и искусствовед

¹ См.: [Варбург, 2008; Торопыгина, 2015].

Варбург сблизилась на общей почве культурологической утопии, символом которой и стала знаменитая библиотека: «Если правильно толковать эту библиотеку, – не без иронии замечает автор, – то она, ни много ни мало, воплощает утопию общности и всеединства, а чтобы увидеть эту утопию и ее признать, порой достаточно лишь маленького шага или прыжка через воды забвения» [Айленбергер, 2021, с. 139]. Ирония Айленбергера – это ирония нашего современника, мотивированная общественно-историческим опытом: автор дистанцируется, конечно, не от продуктивного творческого союза искусствоведа и философа, но скорее от идеализации «культуры», оторвавшейся от своих социально-онтологических, исторических корней.

Все это не мешает Айленбергеру выдвинуть тезис о «новом просвещении» как объективном векторе исканий мыслителей «великого десятилетия». Так, Кассирер в своих исследованиях мифологического мышления [Кассирер, 2011, т. 2] «преисполнен радикального просветительского пыла» [Айленбергер, 2021, с. 143], вскрывая как минимум две опасности, «грозящие любой современной культуре на любой стадии ее развития»; это, во-первых, тот факт, что развитие культуры все время «подвержено возврату к старому», а во-вторых, что кризисные эпохи (как это было и в начале 1920-х годов) проявляют тяготение к таким упорядочивающим моделям истолкования реальности, «к которым особенно склонно мифическое мышление» [Айленбергер, 2021, с. 143]. Но ведь и Хайдеггер, как справедливо отмечает Айленбергер, в своей «деструкции» философской традиции, по-своему тоже стремится освободить творческие источники мышления от абстрактно-теоретических понятий, предрассудков и схем, которые, став инерцией к началу XX века, грозили подлинному мышлению новой мифологией и новым догматизмом [Айленбергер, 2021, с. 143].

В русле «нового просвещения» 1920-х годов размышляет и Беньямин, но совсем иначе, чем Хайдеггер. Айленбергер подробно комментирует пространную интерпретацию Бенямином романа Гёте «Избирательное сродство» (1809) [Беньямин, 2000]. Если Кассирер вскрывает мифические основания и границы современного мышления, а Хайдеггер – его абстрактно-теоретические и исторические предпосылки, то Беньямин в статье о романе Гёте подрывает мифологию «буржуазного» брака, опираясь на

«экзистенциальный» опыт своей переломной современности и собственной биографии. Беньямин анализирует распад традиционных брачных отношений, изображенный Гёте веком раньше, толкуя этот распад как результат вторжения иррациональных сил в сферу рациональной, просвещенной «образованности». Герои романа, писал Беньямин, «на вершине образованности подчинены силам, которые образованность объявляет побежденными, хотя и оказывается совершенно бессильной, чтобы сдерживать их. Эти силы оставляют им понимание приличий, но нравственное чувство оказалось утерянным» [Беньямин, 2000, с. 66]. Итогом крушения брачных пар в романе Гёте Беньямин считает «виновно-безвиновное пребывание в пространстве судьбы» [Беньямин, 2000, с. 101] – опыт, как подчеркивает Айленбергер, спроецированный Беньямином на современное сознание.

Таким образом, Кассирер, Хайдеггер и Беньямин в этот период «признают философскую необходимость подвергнуть современный рациональный субъект процессу последовательного концептуального *де-образования*, чтобы вывести действующие в нем и через него языковые силы туда, где они станут по-настоящему зримыми». Эти мыслители-современники выразили «острое осознание современным субъектом свободы именно там, где он полагает себя вполне суверенным в своем стремлении к самоопределению» [Айленбергер, 2021, с. 153].

Следующий раздел книги («Ты, 1923–1925») рассказывает о философских встречах и любовных сближениях. Хайдеггер, только что ставший профессором, по приглашению гамбургского отделения Кантовского общества посещает Гамбург с лекцией о феноменологии, и Кассирер показывает ему библиотеку Варбурга – событие, позднее отмеченное (любезность за любезность!) – в параграфе 11 «Бытия и времени» Хайдеггера. В Марбургском университете, куда Хайдеггер перебирается из Фрайбурга в начале 1924 г., у него немало учеников, некоторые станут широко известными в немецкой философии после Второй мировой войны: Ганс-Георг Гадамер, Герхард Крюгер, Карл Лёвит, Вальтер Брёккер, Ганс Йонас, Лео Штраус. В Марбурге с Хайдеггером сближается выдающийся теолог Рудольф Бультман (1884–1976): им тоже владеет характерная для 1920-х годов жажда освобождения, в его случае это потребность, с опорой на герменевтическую онтологию

Хайдеггера, показать, по словам Айленбергера, «освобождающую силу христианского послания» [Айленбергер, 2021, с. 193].

Особым событием в жизни Хайдеггера середины 1920-х годов стали отношения с его юной студенткой Ханной Арендт (1906–1975), впоследствии известным философом. «Отношения с Арендт, отмечает Айленбергер, – вынуждают Хайдеггера к новой, диалогической форме подлинности. Однако если его философия хочет продолжить свое существование, как раз этого быть не должно» [Айленбергер, 2021, с. 193]. Айленбергера интересует «экзистенциальная» сторона поведения учителя в возникшей между ним и его ученицей ситуации *amor mundi* («мирской любви»). Правильно поняв своего учителя с этой стороны, Х. Арендт уже в 1926 г. покидает Марбург. Для диалогического «Ты», комментирует Айленбергер, Хайдеггер не нашел и никогда не найдет места в своем мышлении; в этом – «диалогический изъян, который весьма тяготит и ограничивает его философию, а равно и следующий за ним экзистенциализм» [Айленбергер, 2021, с. 201].

Более длительными, но тем более мучительными оказались взаимоотношения Бенямина с «латышкой-большевичкой из Риги» (как он ее называет в письме) Асей Лацис (1891–1979), актрисой и режиссером, с которой он познакомился на Капри летом 1924 г. «Вместе с Лацис, – отмечает Айленбергер, – в мышление Бенямина вторгается коммунизм как практически действенная теоретическая альтернатива. Всю оставшуюся жизнь он будет работать, стараясь духовно справиться с этим вторжением. Кстати сказать – тщетно» [Айленбергер, 2021, с. 211]. Действительно – тщетно; достаточно прочитать «Московский дневник» Бенямина [Беньямин, 1997], который он вел во время пребывания в столице СССР в декабре 1926–январе 1927 г., чтобы понять обе его неудачи – попытки вернуть любовь Лацис и попытки примирить свои «левые» взгляды с противоречивыми впечатлениями от революционной Москвы середины 1920-х годов.

Название следующего раздела книги («Свобода, 1925–1927») двусмысленно или, точнее, двузначно. С одной стороны, его герои-философы достигают в этот период относительно полной самореализации; это относится даже к Витгенштейну, который, казалось, осуществил свою экзистенциальную мечту – покончив с «мнимыми» философскими проблемами, уйти от бессмысленной

современности и по примеру Л. Толстого, учившего крестьянских детей в Ясной Поляне, реализоваться «в жизни». С другой стороны, Беньямин, Хайдеггер и Кассирер в этот период оспаривают, каждый по-своему, просветительский идеал свободы и веру Нового времени в «прогресс».

В философии «великого десятилетия» представление о прогрессе как о непрерывном поступательном движении человечества «вперед» было поставлено под вопрос, – конечно, не впервые, но теперь уже не теоретически (как у Ницше, например), а на всех уровнях духовно-идеологического творчества, от политики до теологии. Великим завоеванием философии на этом пути стал решительный отказ от представления о механической преемственности между эпохами, культурами, индивидами. Просветительской логике прогресса Беньямин противопоставляет «логику сокрушительного перелома, позднее названного “шоком”» [Айленбергер, 2021, с. 224]. Дело шло о переосмыслении и переопределении понятия «событие» в отношении к идее исторического источника, или происхождения. «Происхождение для Беньямина, – отмечает Айленбергер, ссылаясь на «эпистемологическое введение» в «Происхождении немецкой барочной драмы» (1928) [Беньямин, 2002, с. 27], – не событие в историческом времени, но начало как новых способов исчисления, так и новых отношений с миром» [Айленбергер, 2021, с. 224].

И для «левого», и для «правого» культуравангарда 1920-х годов, разрыв непрерывности и преемственности в социально-историческом опыте был настоящей травмой. Уместно заметить, что не для всех мыслителей и ученых этот разрыв означал «шок» катастрофы и мистическое провозвестие спасительной революции в духе неомарксизма, как для Беньямина и его друзей Адорно, Хоркхаймера и других мыслителей, впоследствии известных как Франкфуртская школа¹. Для Хайдеггера, воспитанного на опыте «экзистенции» С. Кьеркегора и на специфически немецком культе «внутренней личности» (Innerlichkeit), «шок» воспринимался не как ожидание мистического преображения мира, но как персональный «ужас», описанный в «Бытии и времени». Тем не менее

¹ См. в этой связи издания, упомянутые выше: [Миттельмайер, 2017; Джеффрис, 2018; Бейквел, 2023].

представление о спасительной революции в мышлении Бенямина и феноменология ужаса в мышлении Хайдеггера (бывают странные сближения) заключали в себе нечто схожее, а именно: сугубо внешнее, безлично-объективное событие, или «судьбу», в которой личное участие индивида не играет особой роли.

А что же Кассирер? Вторая половина 1920-х годов – вероятно, самый успешный и продуктивный период в его жизни и творчестве: сотрудничество с А. Варбургом и его библиотекой сочетается с написанием историко-философских работ, среди которых Айленбергер выделяет книгу «Индивидуум и космос в философии Возрождения» (1927)¹, фиксируя в ней две основные особенности, характерные для «духа» «великого десятилетия». С одной стороны, раскрывая духовные корни Возрождения, Кассирер «стремится найти оживляющие стимулы, вдохновляющие мотивы для философии своей эпохи»; с другой стороны, по-своему следуя герменевтике Хайдеггера, он пытается освободить культуру Возрождения от искажений, которым она подверглась в Новое время, когда начиная с XVII в. произошел абстрактно-методологический разрыв между мышлением («я мыслю») и бытием, сознанием и телом, между онтологией и теорией познания. Кассирер в этой своей книге обращает внимание на парадоксальный факт, который Айленбергер связывает с современной ситуацией в философии и гуманитарных науках. А именно: в пробуждении наук и искусств в XV–XVI вв. философия *не* играла существенной роли, поскольку «была явно не в состоянии угнаться» за всем тем, что происходило тогда в стремительно меняющемся мире жизни, в науках, искусствах, в коллективном мироощущении людей; над философией все еще довлели догмы средневековой схоластики. Айленбергер замечает в этой связи:

«Подобно значительной части нынешних приверженцев аналитической философии, тогдашние схоласты предпочитали заниматься фетишизмом тончайших различений на казавшихся надежными исследовательских основаниях вместо того, чтобы смело пойти на риск и попробовать разобраться в собственной, коренным образом меняющейся эпохе» [Айленбергер, 2021, с. 253]. Даже Хайдеггер, по мысли Айленбергера, уступает Кассиреру, кото-

¹ Рус. перевод: [Кассирер, 2000].

рый в «Индивиде и космосе» прямо начинает с того, что сегодня назвали бы «междисциплинарностью», стремлением преодолеть *принцип автономии*, который в XX в. в значительной степени доминировал в философии и в специализированных науках (Fachwissenschaften).

Следующий раздел книги Айленберга («Пассажи, 1926–1928») описывает и комментирует три одновременных, но внешне не зависимых друг от друга события в жизни Л. Витгенштейна, В. Бенямина и М. Хайдеггера. Сходство, собственно, в одном: в неудачных или несостоявшихся попытках великого человека, так сказать, войти в приемлемую связь с миром – история, напоминающая мотив «искушения» героя миром, позднее описанный Томасом Манном в его романе «Доктор Фаустус» (1947). В случае Витгенштейна «пассаж» заключается в том, что, разочаровавшись в педагогической деятельности, Витгенштейн снизошел до встреч с членами Венского кружка, впоследствии известными философами, которые заочно считали себя учениками Витгенштейна, но при очных встречах они оказались, по выражению Айленберга, «кружком без наставника». В случае Бенямина в центре внимания исследователя – упоминавшийся выше «Московский дневник». В случае Хайдеггера это, разумеется, публикация «Бытия и времени», ставшая сенсацией, но для автора обернувшаяся внутренними трудностями, отчасти даже тупиком. Все три «пассажа» достойны отдельного рассмотрения.

Беньямин, как известно, посвятил свою книгу «Улица с односторонним движением» Асе Лацис, которая, как казалось автору, помогла ему прорвать интеллигентскую плеву нерешительности и связать философскую рефлексию с реальной действительностью и, соответственно, с необходимостью всякий раз «принимать решение» в той или иной жизненной ситуации. По мнению Айленберга, «Московский дневник» – яркий пример того, что «принять решение» не всегда удастся – например, в ситуации любовного треугольника, в котором Беньямин оказался в Москве. «“Московский дневник”, – утверждает Айленбергер, – вечный урок того, на какие взаимные унижения способны даже хорошие, добрые люди во имя якобы разделенной любви» [Айленбергер, 2021, с. 293]. Для Бенямина, считает Айленбергер, «коммунисти-

ческая жертва – это то же самое, что для Витгенштейна монастырь» [Айленбергер, 2021, с. 295].

Взаимоотношения Витгенштейна с кружком его венских последователей – тоже «урок», поучительный для истории философии: то, что говорил на заседаниях Венского кружка Витгенштейн, было прямой противоположностью тому, чего от него ожидали. Последователи венского «логического эмпиризма», опираясь на новое естествознание Эйнштейна и других, стремились, вдохновляясь идеями Витгенштейнова «Трактата», покончить со всякой отвлеченной философией как «метафизикой» и ждали от мэтра ясного изложения строго научного метода. А мэтр, стоя спиной к аудитории, цитировал Рабиндраната Тагора и однажды даже сочувственно сослался на Хайдеггера. «Защищать Хайдеггера! Это уже решительно чересчур! – комментирует Айленбергер. – Венские понедельники – сущий гротеск: они словно не слышат друг друга, а это, собственно говоря, дает все основания признать отношения Витгенштейна с его новоявленными учениками-позитивистами именно тем, чем они без сомнения и были, т.е. одним из самых забавнейших недоразумений в истории философии» [Айленбергер, 2021, с. 283]. Это «недоразумение» тем не менее во многом определило, как отмечает Айленбергер, разделение западноевропейской философии в прошлом столетии на «континентальную» и «аналитическую».

«Пассаж» Хайдеггера после «Бытия и времени», по мысли Айленбергера, отмечен определенной двойственностью. С одной стороны, он с триумфом возвращается во Фрайбург и в зимний семестр 1928–1929 гг. наследует кафедру своего учителя Гуссерля (хотя ученик и учитель критически относятся друг к другу). С другой стороны, «Бытие и время» – это как бы победоносное сражение без героя, «по сути, “Гамлет” без принца», по выражению Айленбергера [Айленбергер, 2021, с. 315]. Иначе говоря, направленность «великого десятилетия философии» к концу 1920-х годов как бы вдруг лишилась перспективы *будущего*. Начиная с этого времени Хайдеггер как исследователь все дальше и глубже погружается в поиски исторических оснований, «деструкции всей западной философской традиции» [Айленбергер, 2021, с. 319], двигаясь, как говорит, Айленбергер, «назад к истоку».

Последний раздел книги Айленбергера называется «Время, 1929». Действительно, время в нашей памяти как бы застыло в тот год как некий водораздел между эпохами. В Давосе большая часть «молодых», присутствовавших при дискуссии между Кассирером и Хайдеггером, приняли сторону Хайдеггера – ситуация, почти немыслимая в последующие десятилетия (скажем, для вышедшего из Венского кружка Р. Карнапа или для француза Э. Левинаса, начинавшего как феноменолог, последователь Гуссерля и Хайдеггера). Бенямин на новом переломе эпох окончательно входит в интеллектуальный круг более или менее революционно настроенной «левой» интеллигенции: Брехт, Пискатор, Кракауэр, Адорно и другие. Витгенштейн, окончательно разочаровавшись в «высокопарной болтовне» и «самодовольном позерстве» Венского кружка, переезжает в Кембридж (Тринити-колледж), где читает (14 июля) единственный свой доклад. Витгенштейн, по мнению Айленбергера, на этом этапе своего мышления «отрекается от последней и единственной веры, на которой действительно держалась его картина мира в “Трактате”: веры в язык логики как в первичный язык нашей формы жизни» [Айленбергер, 2021, с. 362].

По мысли автора книги, четверо ее героев-философов, каждый на своем пути, проложили наиболее продуктивную перспективу развития философии минувшего столетия – перспективу «возвращения к повседневности», в которой логика мышления и логика языка встречаются и поясняют друг друга.

Список литературы

1. Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии, 1919–1929. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. – 400 с.
2. Бейквел С. В кафе с экзистенциалистами. Свобода, бытие и абрикосовый коктейль / [пер. с англ. И.В. Митрофанова]. – Москва : Эксмо : Бомбора, 2023. – 415 с.
3. Бенямин В. «Избирательное сродство» Гете // Бенямин В. Озарения / пер. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. – Москва : Мартис, 2000. – С. 58–121.
4. Бенямин В. О языке вообще и о языке человека // Бенямин В. Учение о подобии : медиаэстетические произведения / [пер. с нем. И. Болдырева и др.]. – Москва : РГГУ, 2012. – С. 7–26.
5. Бенямин В. Задача переводчика (1923) // Бенямин В. Маски времени : эссе о культуре и литературе / сост., предисл. и примеч. Александра Белобратова ;

- пер. с нем., с фр. А. Белобратова [и др.]. – Санкт-Петербург : Symposium, 2004. – С. 27–46.
6. *Беньямин В.* Московский дневник : [9 декабря 1926 – 1 февраля 1927 гг.] / пер. с нем. и примеч. С. Ромашко ; [предисл. Г. Шолема] ; общ. ред. и послесл. М. Рыклина. – Москва : Ad Marginem, [1997]. – 221, [2] с.
 7. *Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы / [пер. с нем. С. Ромашко]. – Москва : Аграф, 2002. – 280, [2] с.
 8. *Бэкон Ф.* Сочинения : в 2 т. / [сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина] ; АН СССР, Ин-т философии. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Мысль, 1977. – Т. 2. – 1978. – 575 с.
 9. *Варбург А.* Великое переселение образов : исследование по истории и психологии возрождения античности / [сост. и пер. с нем. Е. Козиной ; пер. с итал. Н. Булаховой ; пер. с латин. Д. Захаровой]. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. – 381 с.
 10. *Джефффриз С.* Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы / [пер. с англ.: Фетисов М.]. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 447 с.
 11. *Кассирер Э.* Избранное : Индивид и космос. – Москва ; Санкт-Петербург : Университет. кн., 2000. – 653 с.
 12. *Кассирер Э.* Философия символических форм. – Москва : Академический проект, 2011. – Т. 1 : Язык = Т. 1 : Die Sprache / [пер. с нем. С.А. Ромашко]. – 2011. – 269 с. ; Т. 2 : Мифологическое мышление = Т. 2 : Das mythische Denken / [пер. с нем. С.А. Ромашко]. – 2011. – 278, [1] с.
 13. *Миттельмайер М.* Адорно в Неаполе : как страна мечты стала философией / [пер. – В. Серов]. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 327 с.
 14. *Торопыгина М.* Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. – Москва : Прогресс-Традиция, 2015. – 366, [1] с.